

Новая книга о Михаиле Шолохове

АКТИВНЫЙ ГУМАНИЗМ

Вышедшая в юбилейный год — 75-летия писателя — книга В. Литвинова «Михаил Шолохов» представляет собой живой диалог автора с читателями о волнующих проблемах шолоховских произведений.

Здесь и размышления об особенностях шолоховской правды, которая «стремится помочь людям, проникая к самым корням явлений» и неся им вместе с тем всю полноту знаний о человеке. Оттого книги Шолохова в конечном счете «рождают ощущение силы, света, уверенности».

Здесь и раздумья обо всех основных героях писателя, и более всего — о главном из них, Григории Мелехове; и мысли о «новой морали коллективистов», героев «Поднятой целины»; и соображения о шолоховском юморе, «генерализирующая» роль которого в произведениях Шолохова — «прошуметь пульс народного оптимизма», по-своему проверяя «причастность героя к народному единству».

Названные проблемы книги В. Литвинова и многие другие подчинены главной задаче критика — показать «гуманистический идеал Шолохова, как он воплощается в характерах и образах, и прежде всего в раскрытии психологического». Ибо произведения, подобные «Тихому Дону» или «Поднятой целине», — «это всегда мир человека. И душа человеческая для Шолохова — подлинно мир... Не удивительно, что сокровенно-личностное своих героев Шолохов стремится измерить в масштабах, взятых для явлений всемирных, исторических».

Напоминая о разных «модификациях» понятия гуманизма в литературе, от домашне-умильного до абстрактно-холодного, критик определяет гуманизм писателя как «реальный», словно отряхнувший с себя путы бесчисленных рго и contra и поставивший вопрос ребром: что все это для человека?». Гуманизм шолоховский есть не просто «добродушное сочувствие, но классовая страстность, целеустремленность»; это «гуманизм на деле», который чуждается праздных разговоров о «венце создания», зато «всегда бдительно-неуступчивый ко всему, что принижает человеческую личность, сковывает волю, грабит душу».

Показывая, как от произведения к произведению «длится одно большое и неустойчивое, не знающее перерывов и прорывов шолоховское постижение сокровенного в человеке», автор наряду с этим выделяет новые грани психологического мастерства писателя в каждом из его произведений: классово заостренный психологизм в «Донских рассказах», углубление и обновление «диалектики души» в «Тихом Доне», новые возможности бытописательской подробности для исследования духовного мира личности и нравственного состояния общества в «Поднятой целине», могущество коллективистского чувства в глазах «Они сражались за Родину», высокий историзм переживаний в «Судьбе человека». А в самом «замаше» шолоховского психологического анализа он видит претворение «драматизма событий» в «драматизм чувств»: «взрыв революции, половое коллективизация, могучий натиск Великой Отечественной — все отзывается в человеке уже потому, что отзывается в народе».

В этом — своеобразная эпика психологического анализа у Шолохова, когда мерой «отдельно взятой души» становится мера «народного самосознания». В произведениях Шолохова возникает то, что автор называет «революционным критерием психологизма», позволяющим видеть, насколько мир чувств личности отвечает объективной революционной реальности.

Говоря о необычайном расцвете психологизма в наши дни, появлению всякого рода «исповедальных жанров», легализации «потока сознания», новых возможностях самовыражения личности, где много и открытий, но много и штучарства, особенно в искусстве модернистском, автор подчеркивает, что кое-кому шолоховский психологизм на этом «пестроцветном фоне» может показаться «старомодным, классически простодушным». Да, Шолохов не склонен превращать свой психологический анализ в игру случайностей, в шабаш эгоцентризма. Но над произведениями Шолохова «плачут и смеются... как никогда не засмеются и не заплачут над какими-нибудь «новым романом». И — делает вывод: Шолохов принадлежит к художникам, «для которых важно, чтобы его психологическое мастерство прежде всего работало на прогресс и общество, помогало людям разбираться в себе, в целях и смысле своего человеческого бытия».

Из умения критика прочесть Шолохова не столько обязательно и во что бы то ни стало иначе и по-новому, чем читали до него, сколько, напротив, углубленно и раздумчиво, с учетом существующих интерпретаций и дальнейших их углублений и обогащений, вытекают два важных качества книг. Литвинова.

Первое — это спокойно-мудрая, я бы сказала, ее полемичность, направленная на то, чтобы в шолоховедении не поддаваться идее «литературоведческих пересмотров», время от времени «оживляющих» некоторые области нашей литературоведческой науки, поскольку «Тихий Дон» или «Поднятая целина», кроме научного, имеют «всемирное читательское толкование», оберегаемое постоянным к ним вниманием.

И второе — ненавязчивая, а очень естественная актуальность работы, органичная и постоянная ее обращенность к современности. Будь то разговор о выборе пути Григорием Мелеховым и всех его последствиях либо о поступках Макара Нагульнова, деятельности Давыдова, или даже о «щучкаревой проблеме», автор ведет его с точкой зрения современности, нынешней для читателя поучительности этих проблем. С тем, чтобы помочь современному человеку ориентироваться в сложности жизненных перипетий, в выборе своей дороги. Метод, который можно назвать наука не для науки, а для жизни. Ибо произведения Шолохова содержат такие коллизии и характеры, которым «откликаются не просто конкретные десятилетия, но целые эпохи». Так, показывая живую жизнь образа Давыдова, автор замечает, что даже в сегодняшнем споре «о деловом человеке» без него не обойтись: «он ли не был в своем беспоконном бытии подлинно деловым!». В образе же Нагульнова автор видит дальновидное предостережение художника — «от лезающих заскоков».

Интересно в этой связи размышление критика о «большом искусстве» для Шолохова, когда перед ним — в судьбе Макара Нагульнова — открылась вдруг возможность создать еще один трагический тип: «Возьми Шолохов именно этот аспект с его «ножницами» между идеалом и реальностью, желаемым и действительным, кто знает, может, и родилась бы под его пером новая трагедийная история — еще покрупнее мелеховской...». Но специфика реализма Шолохова, как подчеркивает автор книги о нем, — в умении любые художественные «искуссы» повернуть жизнью. А за годы, пролежавшие между написанием двух томов «Поднятой целины», советская действительность «по-своему распорядилась судьбами Нагульновых», переплавив их революционно-романтические порывы и деяния в конкретные дела.

Заметим, однако, что в своей увлеченности жизненностью шолоховских образов критик порой

«договаривает» за художника то, что лежит уже за границами шолоховского текста. Так, об участии Давыдова в разрыве Нагульнова с Лушкой он заключает: «Мне даже кажется, что именно Давыдов в конце концов их и развел, хотя об этом прямо в романе нигде не сказано, — дожал-таки Нагульнова своими нотациями. Развел, не подозревая при этом, что в любви человеческой может быть и так: плохо было Макару с Лушкой, а без Лушки станет еще хуже». Или, говоря о новом качестве мышления современного советского человека, воспринимающего бедствия народа как свое личное горе, что отражено в образах героев «Они сражались за Родину», критик восклицает: «Если бы такое понимание да в свое время Григорию Мелехову с его невероятно талантливой и активной душой!», забывая о своих же прежних размышлениях, где очень логично было показано, что не было бы Григория Мелехова, а был бы другой образ, если бы герой этот не нес на себе груза ошибок, сословных предрассудков и заблуждений своего времени. Или, закономерно рассматривая судьбы и характеры шолоховских героев сквозь призму мировой литературы, автор в своей увлеченности мировым ракурсом порою «наводит» его на героев этого ракурса явно не выдерживающих — о реплике Вари Давыдову (всего лишь реплика, всего лишь образа, появившегося почти к концу романа) говорит: «бросила ему такое, чего никогда еще не произносила ни одна Джульетта на свете».

Возвращаясь же к достоинству книги В. Литвинова о Шолохове, хочется завершить разговор о них указанием на мягкий, сердечный тон книги, со своей лексикой, синтаксисом и даже фразеологией (например, употребление понятия «душевный мир героя» вразрез общепринятому в литературоведении «духовному миру», но зато в соответствии с характером духовности самих шолоховских героев и его, критика, к ним отношением; применение более выразительных и более шолоховских, если можно так сказать, хотя и менее строго литературных слов, как, например, «перекрестие»; структура фразы, типа: «Вот ведь как это бывает у Шолохова», «Да и то подумай» и т. п.). Но это не является результатом нарочитого «новаторства» или «порывизма» читателя, а диктуется, делается, самим предметом — гуманизм и психологизм Шолохова — и методом исследования.

Людмила КИСЕЛЕВА